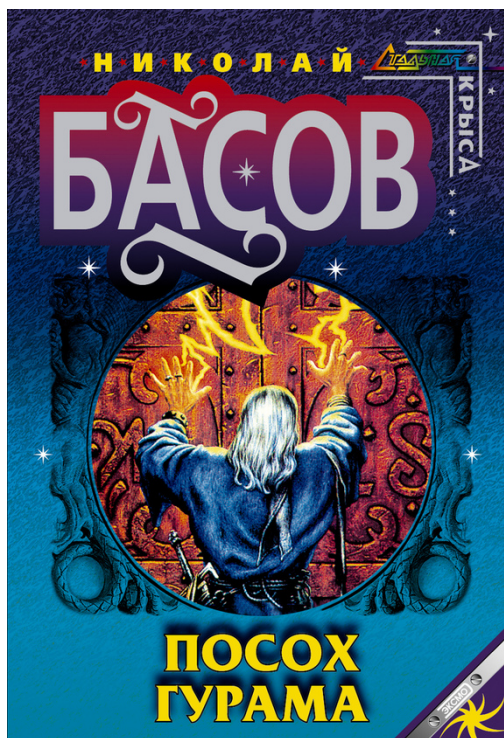

Николай Владленович Басов
Посох Гурама
Серия «Лотар Желтоголовый», книга 4

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=131132*

Аннотация

«Лотар Желтоголовый, Дракони́й Оборотень, прозванный Охотником на демонов, грелся на чистом весеннем солнышке, развалился на чурбаках, предназначенных, вероятно, для господского камина, и по его виду никто бы не догадался, что в замке происходит что-то необычное. Зато Сухмет ходил взад-вперед, что-то бормотал и даже ломал пальцы, пока Лотар не попросил его этого не делать...»

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	20
Глава 5	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Николай Басов

Посох Гурама

Глава 1

Лотар Желтоголовый, Драконий Оборотень, прозванный Охотником на демонов, грелся на чистом весеннем солнышке, развальясь на чурбаках, предназначенных, вероятно, для господского камина, и по его виду никто бы не догадался, что в замке происходит что-то необычное. Зато Сухмет ходил взад-вперед, что-то бормотал и даже ломал пальцы, пока Лотар не попросил его этого не делать.

В огромном дворе княжеского замка Пастарины царило ленивое спокойствие хорошо защищенного места. Лучники тренировались в стрельбе из небольших восточных луков, что в безветренном каменном колодце замка было не так уж трудно, на плацу красный от натуги десятник заставлял дружинников делать с алебардами какое-то упражнение, а у кухни трое ветеранов приставали к служанкам, вышедшим на солнышко чистить свои кастрюли.

За спиной Лотара здоровая и вполне веселая лошадка хрустела сеном, подбирая его с последнего снега. Иногда она потряхивала головой, и тогда в воздухе разливался тонкий звон удил. Иногда Лотар, как лошадь, потряхивал коротко стриженной головой и улыбался.

– Что развеселило тебя, господин мой? – спросил Сухмет. Не дождавшись ответа, он добавил: – Если мы будем сидеть здесь и дальше, никто не заключит с нами контракт даже на поиски прошлогодних подсолнухов.

Лотар попытался, не слишком, впрочем, настойчиво, отодвинуть морду лошади, которая вдруг вздумала поискать сено у него за шиворотом.

– Чувствуется ученик Харисмуса.

– Я просто осмелился посоветовать тебе больше ценить наше время, иначе...

– Да, действительно, что тогда?

– Тебе придется драться с каждым лешим, который скиснет у любой деревенской бабки молоко!

– Молоко скисает само, а леший молоко сквашивает. Живем в этих горах уже три года, а ты даже правильно говорить не хочешь научиться.

Желтоватое сухое лицо Сухмета стало розовым.

– Я... говорил на этом диалекте, господин мой, когда здесь еще ни одного человека не было!

– Тем более ужасно, что ты так и не научился...

Лошадь наклонилась и теперь уже не стесняясь облизала всю соломенно-желтую, круглую голову Лотара. Драконий оборотень рассмеялся. Сухмет посмотрел на него, обреченно махнул рукой и отошел. Но Лотар еще не успел скормить лошади краюху хлеба, которую достал из сумки под ногами, как старик уже вернулся.

– Господин мой, ты не наводишь на лошадей никакой магии. Почему они тебя так любят?

– Спроси у них. Ведь Харисмус умел, по твоим словам, разговаривать с животными.

– И с животными, и с птицами, и с рыбами, – кивнул Сухмет. – Но я не Харисмус, поэтому спрашиваю тебя.

Хлопнула дверь, и на высокое крылечко княжеского терема, как пробка из бутылки с перебродившим вином, вылетел дуайен торгового сословия Пастарины, старейшина купеческой палаты, как сказывали, самый богатый человек этих гор – господин Покуст. Он был зол и что-то орал, доругиваясь с кем-то, кого в запале обозвал «непроходимым ослом».

Осознав, что теперь его видят все, Покуст поправил меховую шапку и широким, злым шагом спустился с крыльца. Не замечая мутноватых весенних луж, он прошагал к Лотарю, остановился перед горой чурбаков, на которых сидел Охотник на демонов, и, не глядя в его сторону, просипел посаженным от крика голосом:

– Он ничего не хочет понимать. Говорит, что ему нет нужды принимать тебя, что у него, в крайнем случае, есть своя дружина. – Покуст зло зыркнул в сторону ветеранов, которые наперебой гомонили перед служанками. – Это он о своей-то банде дармоедов, которые за последние три года ни разу не выползли хотя бы за ворота города! – Покуст фыркнул так, что его усы воспарили над толстыми красными губами, и снял шапку. – Но, может быть, он все-таки вышлет к тебе какого-нибудь своего шута, так что придется подождать.

– Может быть, и вправду, – подумал вслух Лотар, – перевалы еще не открылись?

– Перевалы в этом году были проходимы в течение всей зимы, – резко ответил дуайен. – Это проверено.

– Были бы они проходимы, на знаменитую ярмарку в Пастарину собирался бы весь торговый люд побережья.

– В том-то и дело, что весенняя ярмарка уже не состоится. Она должна была начаться несколько дней назад, но если никого нет – остается только считать убытки и надеяться, что дурная слава рассеется до осенних торгов.

– Сама по себе дурная слава не рассеивается, для этого нужно сделать что-то довольно громкое, – сказал Сухмет.

Покуст покосился на золотой ошейник, который Сухмет никогда и не пытался скрыть, и счел ниже своего достоинства отвечать рабу. Помолчав, он надел шапку. Сухмет как ни в чем не бывало снова спросил:

– Мы люди приезжие, господин, может быть, ты растолкуешь, где здесь собака зарыта?

Покуст опять посмотрел на раба, теперь уже на его роскошную саблю, отделанную не виданными в Пастарине восточными самоцветами.

На всякий случай Лотар произнес:

– Когда-то он и вправду был рабом и с тех пор завел дурную привычку считать свой ошейник чем-то вроде беспроцентного депозита. Но теперь он свободный человек и имеет такое же право носить оружие, как ты или я.

Покуст оторвал от чурбака сухой длинный прут и стал говорить:

– Слушай, чужеземец. Пастарина стоит в замкнутой узкой долине, которую связывают с остальным миром два перевала. – Дуайен нарисовал на рыхлом песке что-то, по форме напоминающее кувшин, повернутый горлышком к его сапогам. – Восточный, который еще называют Верхним, могут пройти только пешие люди без поклажи.

– Мы, кажется, пробрались сюда именно этой дорогой, – заметил Сухмет и передернул плечами. – Должен заметить, путешествие было не из приятных. Бездонные пропасти, тропа шириной в полтора фута...

Покуст нарисовал у кувшина небольшое отверстие в верхней правой части днища.

– Вообще-то весной там не рискуют ходить даже горцы, кроме самых молодых и глупых. – Покуст нарисовал второе отверстие слева, в середине кувшина. – Второй перевал называется Широкий, и у него то преимущество, что он представляет собой хорошую, вполне безопасную дорогу...

– До недавнего времени безопасную, – поправил его Сухмет. Заметив, что Покуст помрачнел, он поспешно добавил: – Но, господин Покуст, как же вы вывозите свои товары?

На это дуайен торгового сословия нарисовал внутри кувшина большую восьмерку. От ее ободка вниз и через горлышко пошла извилистая линия. Не вызвало сомнения, что это река.

– Вот наше озеро. Верхнее – то, которое называется Хрустальным Кувшином, – использовать не удастся, потому что оно отрезано от Нижнего водопадом. – Покуст ткнул прутиком в середину восьмерки. – От Нижнего наша река течет уже без особых помех в Мульфаджу и дальше к морю.

– Что вывозите? – спросил Сухмет.

– Лес, пушнину, кожи, руду, воск, шерстяные ткани. А нашему полотну из горного льна нет равных на свете, – запел Покуст. Чувствовалось, что на эту тему он мог говорить часами.

– Я слышал, – подал голос Лотар, – что подняться по реке невозможно, мешают пороги и слишком быстрое течение.

– Потому-то так важна весенняя ярмарка, когда возвращаются наши купцы, которые вывезли товары прошлой осенью и зимовали в нижних долинах. Они привозят и нашу выручку практически за весь предыдущий год, и новые товары, которые мы не производим сами – хлеб, оружие, вино, стекло, ковры... Да мало ли что!

– Но если на реке есть пороги, как же вы вывозите столько товаров? – поинтересовался Сухмет.

– Мы строим плоты, – хмуро, думая о чем-то другом, ответил Покуст. – А на плот, который тянется на десятки туазов, многое можно нагрузить.

– Значит, тот, кто перехватил ваших купцов, возвращавшихся к весенней ярмарке, должен сорвать хороший куш? – очень вежливо спросил Лотар.

– Он заграбастал доход практически всей долины.

– А есть какие-нибудь подозрения? Кто бы мог решиться на это?

– Что ты имеешь в виду? – Глаза Покуста стали узкими и непроницаемыми. Так он, должно быть, торговался с самыми неудобными для себя агентами.

– Я имею в виду тех, кто считает, что заслуживает большего, и самое главное – имеет возможность настаивать на этом.

– Для того чтобы узнать ответ на этот вопрос, я и пригласил тебя. – Покуст отшвырнул прутик. – Ну ладно, плохим настроением делу не поможешь. Если князюшка ни на что не решится, вечером приходи ко мне. Как бы там ни было, без дела не останешься. Никто из разведчиков с перевала не вернулся, значит, что-то делать придется.

Вздыхнув, Покуст пошел по лужам, яростно разбрызгивая грязь высокими ярко-красными сапогами из мягкой кожи.

– Ну и что, будем ждать? – не очень уверенно спросил Сухмет.

Лотар улыбнулся и полез в котомку за следующим куском хлеба. Лошадь звонко чмокнула губами, чтобы Лотар не забыл, кому этот хлеб предназначен, и наклонилась к его рукам, возбужденно переводя дыхание.

Наступил полдень. Лучники ушли. Дружинники с десятником каким-то образом оказались совсем близко от ветеранов и служанок, которые восприняли это подкрепление весьма благосклонно. Лошадь, убедившись, что у Лотара в котомке не осталось ни крошки, пошла искать сено в тень под стеной. Сухмет почти успокоился.

Потом где-то прокричали о том, что обед почти съели, и если эти бездельники еще хотят сегодня набить свои животы, им лучше поторопиться. Солдаты с гогом понеслись в сторону казармы, а девушки, разочарованные стремительным исчезновением поклонников, ретировались на кухню со всеми своими чанами и таганками.

Стало по-настоящему жарко. Лотар достал из сумки большую флягу с водой и выпил едва ли не половину. Никто им не предложил не то что обеда, но даже кружки воды.

Потом воины появились снова и попытались тренироваться, но теперь даже десятнику это казалось откровенной глупостью. Солнце еще не закатилось за Часовую башню, как вояки ушли, похоже, в город. Сухмет уже был совершенно спокоен.

Внезапно на крылечке приоткрылась дверь. Так незаметно, так тихо, что Сухмет негромко, не шевеля губами, спросил:

– Видишь?

Лотар маловразумительно заворчал:

– Значит, они все еще раздумывают.

Дверь закрылась. Потом открылась снова, но уже широко и почти гостеприимно. На крыльце показался – кто бы мог подумать – сам Принципус, капитан княжеской дружины. Он был в легких доспехах, а вокруг его большой, совершенно лысой головы наискось проходила черная повязка – Принципус был одноглаз, половиной своего зрения доказав верность князю Везу, и было это еще в далекой, туманной юности обоих. Капитан взмахнул рукой и голосом, от которого по двору прокатилось эхо, прокричал:

– Желтоголовый, тебя ждет князь.

Лотар неторопливо поднялся с чурбаков, сунул флягу в мешок, поправил Гвинед за плечами и пошел к крыльцу. Сухмет, подхватив сумку, засеменил следом. Принципус нахмурился:

– Рабу следует подождать.

– Он всегда со мной, – ответил Лотар, не сбавляя шаг.

Принципус нахмурился еще суровее:

– Тогда пусть войдет с заднего входа. Парадное крыльцо не для рабов!

Лотар уже поднялся до промежуточной площадочки. Сухмет, бесшумно переводя дыхание, стоял за его плечом. Принципус протер свой единственный глаз – только что этот немощный на вид старик стоял едва ли не в дальнем углу двора, и вот он уже здесь.

– Ты опоздал со своим предупреждением, Принципус, – лениво произнес Лотар. – Либо мы поднимаемся, либо уходим.

Капитан огляделся по сторонам. Конечно, он не заблуждался по поводу происходящего ни на мгновение, кто-то обязательно видит, что происходит, и сегодня же вечером обо всем будет доложено князю. Но внешне вокруг было тихо, спокойно, безлюдно. Скрипнув зубами, Принципус шагнул назад, давая чужеземцам пройти.

В низких, очень удобных для обороны дверях внутренних палат капитан пастаринской стражи вынужден был сгибаться чуть не вдвое. Лотар с усмешкой наблюдал, как этот гигант, проиграв стычку во дворе, пытается теперь демонстрировать пренебрежение, но так как ему приходилось поторапливаться, это не очень-то получалось.

Веза они нашли в небольшой полутемной комнатке у открытого стрельчатого окна, в которое широкой струей вливался быстро холодеющий воздух. Он мелкими глотками пил молоко, которое наливал из высокого, дивной красоты стеклянного кувшина с замысловатым, как изморозь, рисунком. После второго кубка князь повернулся к вошедшим.

В его глазах, казалось, навеки застыл холодок властности и настороженности. Чересчур бледная для мужчины кожа казалась совершенно естественной для человека с такими глазами и ранней сединой. Тонкие, почти нежные руки князя не выдавали никаких эмоций. Этот человек умел владеть собой, даже если сие не входило в его намерения.

– Итак, – заговорил Вез из Пастарины низким, раскатистым голосом, – ты и есть тот Желтоголовый, Охотник на демонов, равного которому нет ни в одной из известных нам стран?

Лотар быстро наклонил голову и тут же выпрямился. Любому блюстителю церемоний это движение показалось бы скорее кивком, чем поклоном. Зато Сухмет стал выписывать такие замысловатые и долгие пируэты, что шуршание его плаща длилось едва ли не дольше, чем Вез до этого пил молоко. Впрочем, князь не обратил на него внимания.

– Покуст утверждает, что мне необходимо нанять тебя, чтобы убрать какую-то преграду, закрывшую Широкий перевал и сделавшую ярмарку невозможной. По его словам, тебе это вполне по силам.

– Если мы договоримся, я попробую узнать, что помешало ярмарке, и убрать эту преграду.

– Ты думаешь, преграда действительно существует?

– Не знаю, я там не был. Но я верю в чутье Покуста.

Вез отошел к высокому стулу с резной спинкой, стоящему в центре комнаты, и сел. Все остальные продолжали стоять.

– Я не понимаю, почему Покуст забил тревогу. Не понимаю, почему должен нанимать каких-то побирушек, да еще за колоссальную для наших мест сумму! Не понимаю, как тебе удастся справиться с тем, что остановило охраняемые караваны... – Вез скептически осмотрел Лотара. – Силачом ты не выглядишь.

Лотар слегка усмехнулся, но ничего не ответил. В комнате стало тихо.

Внезапно Принципус подал голос:

– Господин, караваны что-то задержало, и нам все равно придется отправиться на перевал. Почему бы не нанять этого мальчишку, чтобы не рисковать обученными воинами, которые служат тебе много лет и верность которых проверена?

Вез раздраженно хлопнул себя по коленке. Не так уж он был спокоен, как хотел казаться.

– Да потому, что этот мальчишка обойдется мне не дешевле, чем содержание трех десятков тех дармоедов, которые не верность свою мне доказывали, а проедали казну, демонстрируя решительность только в одном – когда задирали служанкам юбки.

Принципус покраснел, но его голос не дрогнул:

– Если дело так рискованно, как говорит Покуст, он погибнет, и платить не придется. А мы в любом случае узнаем, чего опасаться.

– Ты уже говорил это, – медленно произнес Вез, стараясь понять, какое впечатление эти слова произведут на Лотара. Но на лице Желтоголового не дрогнул ни один мускул.

– Я хотел убедиться, что ты не забыл этот довод, господин.

– Кстати, половину суммы придется заплатить заранее, – сонно проговорил Лотар.

На этот раз тишина в комнате стояла еще дольше. Наконец Вез произнес:

– А что ты скажешь по существу, чужеземец?

Лотар медленно усмехнулся:

– Все владельцы тех городов, с которыми мне приходилось иметь дело, всегда начинали так же, как ты сейчас. Вероятно, они полагали, что высокомерие поможет им справиться с угрозой. Но... не помогало ни разу. Удивительно, что такой неосмотрительный человек, как ты, продержался у власти столь долго. Или ты в самом деле полагаешь, что никто не способен занять твое место?

Принципус схватился за меч, Вез вскочил со своего стула. Теперь на его лице не осталось и следа надменности.

Лотар спокойно продолжил:

– Или тебе кажется, что ничего скверного не может случиться, потому что за последние годы, насколько я знаю, у тебя не было ни одной серьезной проблемы?

– Да как ты, наемник, смеешь?..

Но владелец Пастарины не продолжал, а Лотар и не собирался отвечать на этот вопрос. На противоположной стене замкового двора часовые занимали свои посты. При желании можно было услышать каждое слово, произнесенное сержантом.

Вез скорее упал, чем сел на свой стул. Слабым жестом он провел перед собой рукой, словно перечеркнул Лотара и Сухмета. С лязгом, от которого стало холодно, Принципус выхватил меч. Но не пускал его в ход и не звал стражников.

– Полагаю, ты понимаешь, Желтоголовый, что теперь соглашения между нами быть не может? – шепотом, напоминая шипение змеи, произнес Вез.

– И все-таки подумай, князь. Что могло намертво перекрыть перевал – ведь ни один воин, купец или хотя бы лошадь, потерявшая седока, не появились на заставе по эту сторону границы? И учти, это не армия, иначе ты об этом уже знал бы – обнаружить вторжение твои дружинники сумели бы. И еще, князь, попытайся представить, что говорят в казармах твои вояки, которые ведь тоже понимают, что платить тебе нечем, потому что купцы не вернулись.

Лотар повернулся. Его легкий короткий плащ сухо прошуршал в воздухе. На Принципуса, который так и не поднял обнаженный меч, он даже не взглянул. Сухмет, нервно и коротко поклонившись, поспешил за своим господином.

Лотар спустился во двор, равнодушно растолкал дюжину копейщиков, неизвестно откуда появившихся у нижних ступеней крыльца, и пошел по двору. Ни копейщики, ни их командир не сделали ни малейшей попытки остановить чужеземцев. Лотар и Сухмет уже прошли половину расстояния до ворот, когда сзади прогремел голос Принципуса:

– Остановитесь! Остановитесь, или мне придется проверить, так ли вы хорошо рубитесь, как болтаете!

Шум со стороны копейщиков показал, что они готовы действовать решительно и быстро. Им казалось, что двое небогатых наемников не способны оказать серьезного сопротивления, а значит, есть возможность без усилий выслужиться перед капитаном. Солдаты, стоявшие у ворот, тоже взяли оружие на изготовку.

Сухмет вздохнул и положил руку на эфес Утгелы – своего меча.

– Желтоголовый, князь приказал тебе взяться за дело и шлет вот это!

Лотар повернулся к крыльцу. Принципус делал вид, что улыбается, хотя от его оскала, вероятно, шарахнулись бы боевые кони. Но он очень старался и при этом протягивал вперед весомый кожаный кошель.

– Это золото, – шепотом сказал Сухмет, который, когда хотел, мог видеть сквозь предметы на значительном расстоянии.

– Да, – согласился Лотар, которого интересовало совсем другое. Еще раз прочитав что-то в сознании капитана пастаринской дружины, он произнес: – Сегодня они на нас не нападут. Теперь и вправду придется браться за дело.

Глава 2

Первую ночь, как и было условлено, они провели в доме Покуста. Дуайен торгового сословия долго и безуспешно пытался выяснить, что и как было сказано у князя, но Лотар лишь улыбался и толком не ответил ни на один вопрос. Снег встретился им задолго до заставы – грубого, торопливо срубленного из вековых бревен форта, который тем не менее был так удачно расположен, что казался почти неприступным. В форте они провели следующую ночь, потому что здесь их уже ждали. Сухмет очень порадовался эффективности княжеской системы оповещения, позволившей им избежать сложных объяснений.

На следующее утро, когда они вышли на неохраемую часть широкой, все время уходящей вверх дороги, пришлось уже идти по снегу. Впрочем, пара волов, запряженных цугом, могла протащить по этой дороге даже основательно нагруженную телегу.

Миновав несколько голых рощ, путники вышли на неширокий – не более полумили – горный карниз, относительно ровную поверхность которого то и дело разрывали острые, обнаженные скалы. Попетляв, дорога пошла прямо на сплошную стену черных гор, закрывавших полнеба. В этом гигантском каменном пороге был только один разрыв – перевал, который и назывался Широким.

Дорога тоже была не по-горному широкой. Снег на ней местами уже сошел, и ноги путников стали вязнуть в липкой грязи. Сухмет вдруг стал поносить эту дорогу на чем свет стоит. Лотар удивленно поднял на него взгляд.

– А вот это как тебе понравится? – Сухмет поднял ногу повыше, и Лотар увидел, что подошва его сапога отвалилась, обнажив ступню старика почти до пятки.

– Раньше нужно было думать, – бросил Лотар и пошел вперед, вдыхая воздух, напоенный запахом первых горных трав.

– Да кто же мог подумать, что нам предстоит такое? – В голосе Сухмета было почти настоящее возмущение. – Если бы ты не тащил меня...

– Никто не тащит тебя насильно.

– Один ты не справишься.

Хладнокровие Лотару не изменило.

– Я хочу сказать, что ты берешься за предприятие довольно рискованное, – повысил Сухмет голос.

Лотар все так же, не оборачиваясь, шагал по грязи, поднимая ноги повыше.

Сухмет вздохнул, допрыгал на одной ноге до края дороги и сел на светло-серый валун, похожий на прикорнувшего медведя.

– Подожди, пока я подвяжу подметку.

Лотар остановился, обернулся:

– Могу дать тебе ремешок.

– У меня есть свой. – Сухмет порылся в котомке, которую нес за плечами, достал тонкий сыромятный шнурок, отрезал от него кусок фута в три и принялся старательно укреплять сапог.

– Это еще не грязь, – буркнул Лотар. – Вот если бы по дороге ездили, ты бы понял, что такое настоящая грязь.

– Есть предметы, с которыми я не стремлюсь свести слишком короткое знакомство.

– А то, что закрыло перевал, из этого списка? – спросил Лотар.

Сухмет встал, притопнул сапогом, перетянутым ремнем, и пожаловался:

– Снег забился внутрь и тает.

– На привале пришьешь подметку, будет лучше прежнего.

Сухмет проговорил едва ли не лстыиво:

– А чем плохо здесь? До обеда осталось совсем немного.

Лотар осмотрелся. До места, где дорога терялась в каменной гряде, оставалось не больше двух миль.

– Прежде посмотрим, нет ли там чего-нибудь интересного.

Лицо Сухмета стало на мгновение непроницаемым, потом он очень серьезно сказал:

– Ничего не чувствую. Такое впечатление, что впереди нет ничего живого, даже птиц или полевых мышей. А ведь должно быть. – Он еще раз попробовал определить возможную опасность, которая находилась впереди. – Нет, абсолютно спокойно.

– Вот и у меня то же ощущение. – Лотар покрутил головой. – Красиво здесь. Даже когда смотришь магическим взглядом, все равно красиво.

– Может быть, – осторожно сказал Сухмет, – в этой красоте и заключена главная опасность? – Лотар удивленно поднял брови. – Я хочу сказать, ты как-то уж очень рвешься вперед.

– Я проверяю каждый камень на дороге.

Но он понял, что старик прав. Ему следовало бы разобраться, что заставляет его спешить.

– Несомненно, – улыбнулся Сухмет. – Но те люди, которые угодили в эту ловушку, думали так же.

Лотар сдался. Он подошел к Сухмету и присел на камень рядом со стариком.

– Ты прав.

Сосредоточившись, Лотар стал думать о том, что, возможно, заставило его торопиться. Но как он ни старался, не чувствовал даже следов магии. Могло, правда, оказаться, что колдовство было слишком мощным, когда почувствовать его изнутри практически невозможно, как невозможно понять, откуда исходит запах, когда к нему уже привык. И Лотар перевел внимание на то, что лежало впереди.

Дорога была пустынна, тиха и совершенно безопасна.

– Может быть, ловушки уже нет? Караванов больше не предвидится, и тот, кто ее поставил, вынужден был уйти.

Сухмет серьезно покачал головой. Он был очень сосредоточен, помогая Лотару, вливая в него свою энергию, пытаясь поднять уровень восприятия Желтоголового до предела. Внезапно Лотар расхохотался.

– Ай да хитрец! Значит, ты специально подстроил эту штуку с сапогом, чтобы притормозить меня.

Лицо Сухмета стало удивленным.

– А мне казалось, господин мой, что я хорошо спрятал свои мысли.

Лотар снял налобник, выкованный из темной бронзы, провел рукой по коротким волосам.

– А я не мысли прочитал. Просто на разошедшемся шве остался след твоей магии.

Сухмет внимательно, сузившимися глазами посмотрел на свой сапог.

– Здорово. Нет, в самом деле, здорово. Ты почувствовал след, который не могу, при всем желании, почувствовать даже я. Кажется, зря я говорил...

Внезапно стало тихо, очень тихо. Так тихо, что Лотар вскочил на ноги и схватился за кинжал. Впрочем, больше он ничего не предпринимал, потому что ничего и не случилось.

– Вот так-то, – сказал наконец Сухмет. – А мы летели вперед, как пришпоренные.

– Что это было? – Кто-то умер.

– Скорее что-то. Нечто со слабой аурой, похожее на неодушевленный предмет...

– Но не животное.

Лотар снова протянул вперед свое восприятие, как нежнейший цветок, и вдруг все понял.

– Это была птица. Она погибла на лету. Как это может быть? Она кружила довольно низко, но ничто не убивает так, как погибла она... Словно ее мгновенно что-то задушило.

Сухмет вздохнул:

– Теперь у нас есть ответ – капкан не снят. Он так же готов действовать, как прежде.

Лотар посмотрел на перевал, разрезавший черные горы, и прикусил губу. Теперь настоянность изменила, кажется, сам цвет его светло-серых глаз – они стали темнее.

Когда они пошли дальше, Лотар попытался объяснить:

– Понимаешь, мне все время кажется, что здесь нам не придется очень уж трудно работать. – Он еще раз провел рукой по волосам и надел налобник. – По-моему, наши противники затеяли дело, которое им не по плечу.

– А кто наши противники? – живо спросил Сухмет.

– Ну кто же это знает, кроме их самих? – удивился Лотар.

Сухмет задумался. Они шагали по рыхлому, хлюпающему снегу, и горы становились все ближе. За низкими серыми тучами угадывалось солнце. Где-то недалеко сорвался пласт подтаявшего снега и гулко хлопнулся о землю. По-прежнему удивляло и настораживало отсутствие птиц.

Лотар обернулся. Ближайший лесок почти полностью закрыл долину, но между верхушками деревьев и полосой туманной мглы, давящей сверху, проглядывала земля, изрисованная разводами первой, удивительно яркой травы. Он догнал Сухмета.

– А знаешь, – заговорил старик, не поворачивая головы, – у меня такое же ощущение. Как будто мы столкнулись с новичками, которые не понимают сил, запущенных в действие. И они не способны теперь выбраться из положения, в котором оказались. В общем, мы напали на каких-то недоучек. – Он протопал еще десяток туазов и завершил свое сообщение: – Но это не значит, что мы не можем попасть в передрагу.

Внезапно Сухмет остановился. Заметив его напряженную спину, Лотар тоже замер и лишь тогда осознал, что его рука наполовину вытащила Гвинед из-за плеча. Оба стояли совершенно неподвижно, всматриваясь в темное, припорошенное снегом, смазанное пятно, появившееся впереди в трех сотнях шагов.

Это была перевернутая телега. Она ехала вниз, в долину, хотя и не наверняка. Уж очень трудно было сейчас определить, что здесь произошло. Обе лошади, тащившие ее, исчезли. Немного в стороне лежал труп возницы.

– Мертв уже много дней, – сказал Лотар.

– А ведь он почти вырвался.

– Пожалуй. К нему можно подойти, вокруг чисто.

Телега была из тех тихоходных, но очень надежных повозок, на которых местные жители переправляли товары на большие расстояния. Передняя ее часть была расколота, словно, до предела разогнавшись на этом склоне, она налетела на нечто несокрушимое. Товаров, как ни странно, не было. Постромки были оборваны... Нет, вся сбруя была вырвана из крепких пазов крепкого, как камень, твердого дерева.

– Чтобы так рвануть, нужно быть великаном, – заметил Сухмет.

Они подошли к трупу. Это был житель долины, решил Лотар. У него были слишком характерные прямые русые волосы. Он был молод, не старше Лотара. Его белое от ночных морозов лицо напоминало лик статуи. В засыпанных льдинками глазах застыло спокойствие, и это было странно, потому что нижняя часть его туловища была оторвана: так нетерпеливый обжора разрывает тушку цыпленка. Кровь из разорванного живота впиталась в снег бледно-серым пятном.

– Удивительно, – подал голос Сухмет, – что его не обгрызли шакалы. Понимаешь, еще очень голодно, но ни один зверь не покусился на... Такое впечатление, что зверей тут вообще не осталось.

– Не знаю, есть ли тут шакалы, барсы или хотя бы лисицы, но те, кого интересуют ткани и золото, здесь определенно водятся.

Лотар попытался оценить своим магическим видением, что же здесь произошло, но ничего не увидел. То ли слишком много времени прошло, то ли все здесь было умело стерто. Он перепробовал все, что могло остаться, – запах, волоски шерсти, след оружия, остатки тонких, разреженных полей, составлявших след ментальной магии... Но ничего не обнаружил.

– Может быть, холод как-нибудь подействовал, – предположил Сухмет, который читал мысли Лотара.

– Что-то должно было остаться, а получается... Ладно, впереди еще не один такой сюрприз.

Они пошли дальше. Следующую повозку они обнаружили через две сотни шагов. С ней все было проще, ее просто перевернули на бок. Лошадей и трупов людей не было. Товаров тоже. Дальше все так и пошло – ни трупов, ни товаров. Но количество разбитых и сломанных повозок ошеломляло. Наконец Сухмет не выдержал:

– Да сколько же здесь нагнали! Пожалуй, Покуст не преувеличил, когда сказал, что на перевале можно перехватить заработанное жителями долины за целый год трудов.

Внезапно среди множества разбитых и разграбленных повозок они нашли второй труп. Его наполовину засыпало осколками фаянсовой посуды, которая разлетелась на куски от чудовищного удара, обрушившегося сверху. Даже после этого он оставался жив и собирался драться – его ухоженные пальцы сжимали рукоять боевой секиры. Но ее лезвие было чисто, купец не сумел подняться или не успел освободиться от остатков своего некогда прекрасного товара. И тогда его кто-то добил точным, как удар палача, выпадом под подбородок. Сухмет указал на характерный след от редчайшего в этих краях трехгранного клинка, оставившего ранку, похожую на запекшуюся от крови остроугольную звездочку.

– По такому клинку нетрудно будет отыскать убийцу.

Лотар кивнул:

– Посмотри, сталь прошила мягкие ткани и вошла в мозг снизу. Это сделал кто-то, кто всю жизнь зарабатывал мечом свою кружку вина. Сомневаюсь, что кто-нибудь из тех лоботрясов, которых мы видели в замке Веза и которые воображают себя бывальными бойцами, может так ударить.

Колея, пробитая в камне бесчисленными повозками, стала эже. Иногда она напоминала пешеходную тропу. Лотар попытался понять, как же они здесь проезжали, но ничего не мог придумать. Сухмет рассеянно улыбнулся:

– Там, где проехать не удастся, повозку можно перенести на руках.

– Но ведь нужно перегружать товары. С этим нелегко справиться.

Сухмет развел руками:

– Ты знаешь, как водят караваны в пустыне, мой господин. Поэтому тебе такой способ кажется необычным, а здесь это считается нормальной работой купца и его подручных. Скажи кому-нибудь, что бывает иначе, и тебе не поверят.

Горы теперь поднимались по сторонам дороги темными отвесными стенами. Небо, раздуваемое неровным ветром, посерело. В воздухе появились крохотные, холодные как лед капельки воды. Одежда стала шуршать, как листья во время дождя. Было видно не дальше чем на сотню шагов.

И со звуками творилось что-то непонятное. Казалось, закричи кто-нибудь из них, и уже на расстоянии вытянутой руки его голос увязнет в этой водяной пыли, как в вате. А хрустнет стебель травинки за много миль, и дрогнет, оглушенное, все живое.

– Удобное место для засады, – сказал Сухмет.

– Не очень, – возразил Лотар. – В ущелье десяток решительных людей способны задержать любую рать, пока повозки отводят в сторону. Вот если бы здесь было пошире и поровнее...

И такое место открылось за поворотом. Это было плоское и ровное, без канав и складок, плато. Стены ущелья, сжавшие дорогу, разошлись так далеко, что пропали в тумане. Дорога еще немного поднималась вверх, но потом вдруг затерялась за близким перекастом, образованным, должно быть, верхней точкой перевала.

– А вот это в самом деле очень удобное место для засады, – сказал Лотар, оглядываясь по сторонам. Ему здесь не нравилось, но он по-прежнему не чувствовал ни малейшей опасности.

– Где же повозки, где следы нападений?

В самом деле, здесь не было даже обломков.

– А знаешь, – вдруг возбужденно сказал Сухмет, – здесь кто-то все расчистил, хотя и непонятно с какой целью.

– Сейчас посмотрим.

Лотар пошел вперед. Зачем-то он считал шаги, словно каждый из них мог стать последним и ему нужно было пройти как можно дальше, чтобы уцелеть. Было так тихо, как бывает только в глубокой пещере, или в темном, густом кошмаре, или в горах, где уже невозможно дышать, где нет ни гроз, ни облаков, где не живет никто, кроме тех, кто уже не может называться человеком.

Вдруг – Лотар даже присел – зазвенели колокольчики... нет, колокола, оглушительные и непрерывные. Они трезвонили так, что можно было оглохнуть! Не понимая, что нужно делать, Лотар лег на камни и, мобилизовав всю свою энергию, попробовал быстро осмотреться. Ничего. Потом что-то стало проявляться, непонятное, трудноуловимое... А колокольчики захлебывались, предупреждая об опасности.

Его руки что-то коснулось и тут же замерло, прилипнув, врастая в кожу, обжигая невероятной болью. Потом что-то коснулось ноги, что-то мягко легло на плечо... Лотар окаменел, стараясь не двигаться. Он собрал всю выдержку, чтобы не вскочить, не взмахнуть руками, пытаясь освободиться.

Теперь он видел, что туман и клубящееся небо над головой были не просто спустившимся на перевал облаком. Это была мощнейшая и сложнейшая по исполнению магия, почти превосходящая все, что Лотар видел прежде и о чем читал. Эта серая, колышущаяся пелена скрывала тонкие невидимые нити... Они были липкими и жгучими, и их сплели, чтобы они беззвучно опускались сверху и опутывали жертву, если она начнет двигаться в попытке освободиться.

Это была паутина. Теперь Лотар видел, что это именно паутина – невидимая, не толще конского волоса, и абсолютно прозрачная, спускающаяся сверху медленными и бесшумными прядями. Они, как щупальца, свисали с основной сети, которая была растянута в сером небе на высоте десяти-пятнадцати туазов. Но это несомненно была паучья сеть – с ее спиральным строением, с ее потрясающим, смертоносным изяществом и совершенством.

Несколько нитей, как живые существа, скользнули по плащу и убрлись в сторону. Вероятно, их раздвинул, как занавеску, ветер... Что-то здесь должно быть интересное с ветром. Нужно потом подумать или спросить Сухмета... Спросить Сухмета? Можно ли здесь громко разговаривать? А думать можно?

Лотар решил.

– Сухмет, – позвал он.

– Господин мой, прошу простить меня, недостойного раба, за то, что я не увидел раньше. Я буду всю жизнь слизывать кипящее масло со сковородки, чтобы искупить...

– От этого сейчас особенно много пользы, – пробормотал Лотар. Иногда его очень раздражало восточное воспитание старика.

– Что?

– Посмотри лучше, надо мной есть еще эта гадость? Она не ощущается до прикосновения, и я не знаю...

Кажется, я становлюсь болтливым, подумал Лотар. Наверное, это от страха.

– Правая нога и правая рука не должны двигаться. Но левая ничем не стеснена. Но они близко, о... как они близко. Лучше не двигайся, господин мой, я подберусь поближе и брошусь вперед, чтобы они затянулись на мне прежде, чем на тебе. Тогда ты успеешь...

– Больше ничего не придумал?

– Невыносимо видеть, как...

– Говоришь, левой я могу двигать?

Осторожно, не отрывая руку от камней со снегом, забившимся в трещинки, Лотар потянулся к Гвинеду. Его меч, не подвластный никакой нечисти, должен его спасти. Это ведь так просто – нужно всего лишь пресекать эти нити...

– Господин мой, не двигайся. Ветер изменился, сеть над нами займет другое положение, и нити поднимутся.

– А если появится тот, кто это сплел?

– Не появится. – Голосу Сухмета не хватало уверенности, но он уже не был от ужаса.

Клинок выходил легко, словно знал, что без него не обойтись. Но движения кисти не хватало, чтобы освободиться от ножен. Если бы знать, что Гвинед справится с паутиной, можно было бы перевернуться на спину и рубануть те нити, которые сковали правую руку. Нет, нужно выбрать что-то более верное. В этом месте возможно все, здесь даже воздух загустел от какого-то чудовищного и дикого колдовства.

Лотар перехватил клинок посередине. Сталь была холодной и скользила от влаги. Лотар понял, почему Гвинед так легко выходит из ножен. Когда все кончится, подумал он, нужно будет тебя хорошенько намазать.

Когда меч оказался в его руке, Лотар оперся на каменную поверхность подбородком. Это дало ему возможность посмотреть вперед. Настоящий занавес прозрачных нитей спулся сверху. Некоторые из них почти касались его лица, а он их не чувствовал. Привык к тому веществу, которое находится на них? И сейчас они отравляют его, а он не может даже как следует размахнуться...

Значит, лежать и ждать, как предлагал Сухмет, было бы самым верным путем в могилу. Хотя нет, здесь не хоронят. Здесь кто-то, напичканный магией, как рождественский гусь яблоками, съедает тех, кто слишком терпелив и готов лежать, чтобы сохранить жизнь. Поэтому и нет здесь трупов, хотя животных, желающих заняться свежей убоиной, тоже нет.

Лотар поднял Гвинед и поднес его к нитям. Так, должно быть, хирурги удаляют катаракту с глаза. Ну, старый друг, покажи, на что ты способен...

Едва острая стальная кромка коснулась первой паутины, как тончайший волосок, длиной в пару дюймов, упал на землю и растворился в сыром воздухе, как медуза на солнце, только гораздо быстрее. Остальная нить поднялась вверх, закручиваясь тонкой спиралькой, словно живая. Может, и правда, они живые?.. Лотар коснулся следующей нити. Тот же эффект.

Тогда он рубанул по густой пряди, висевшей перед ним. И Гвинед прошел через бледные светящиеся нити, расчистив место для дыхания, для жизни. Разрубая вещество, из которого нити были созданы, меч ощутимо подрагивал в руке, но Лотару казалось, капельки воды в воздухе оказывают магическому мечу большее сопротивление, чем эта паутина.

Отвратительные космы отдернулись вверх, Лотар засмеялся. Он перекатился на спину и освободился одним быстрым движением меча. Против Гвинедта эта ловушка была бес-

сильна. Он встал. Сухмет стоял на коленях там, где Лотар оставил его, и шептал какое-то заклинание.

Лотар расхохотался во весь голос. Разрубая все пряди, которые мешали ему пройти, он подошел к старику:

– Вставай. Гвинед справился с этим гораздо лучше заклинаний.

Сухмет открыл глаза. Он почти сразу все понял, и в его испуганных глазах появилось облегчение. Еще слабо, не очень-то веря удаче, он усмехнулся, показав свои не по-стариковски крепкие и красивые зубы.

– Значит...

– И на этот раз мы победим. Я же говорил тебе, здесь работают неумехи.

Земля качнулась под ногами Лотара, а горы рванулись вверх, закрывая небо, затянутое паутиной. Он упал на колени, потом на бок, но Гвинед не выпустил.

Он получил доказательство – в нитях все-таки был яд. И очень мощный, если хватило пары минут, чтобы отравить его. Но теперь это было не страшно.

И еще он подумал, что можно трансмутировать в паука и драться их методами.

Глава 3

Лотар пришел в себя от запаха дыма. Его голова лежала на чем-то мягком, а руки и ноги были укутаны грубой, приятной на ощупь тканью. Ему было тепло, даже жарко.

Где-то совсем рядом рубили дрова. Интересно, подумал Лотар, откуда здесь дрова. Из лесу они вышли несколько часов назад, и ничего, кроме камня, не видели по обеим сторонам дороги... Дорога, паутина, яд. Он все вспомнил и открыл глаза.

Прямо перед ним горел огонь. Грубые дорожные плащи, в которые Лотар был укутан, уже начинали потихоньку тлеть. По ту сторону костра Сухмет рубил обломки повозки боевой секирой убитого купца. Сухмет сразу понял, что Лотар в сознании.

– Вот и отлично. – Он вчитался в состояние Лотара и тут же палкой стал отодвигать костер подальше. – Сейчас, мой господин, все будет как ты хочешь.

– Сухмет, – голос Лотара удивил его самого, настолько он был слаб, – долго я был без сознания?

– Нет, мой господин.

– Говори правду.

– Два часа. – Сухмет занялся головешками. – Но теперь это ничего не значит.

– Сухмет, а мы не ошиблись? Может, против нас на этот раз играют очень сильные противники и их неумелость нам просто померещилась?

– Они в самом деле не понимают, что творят. И плохо рассчитывают, что будет потом. С той энергией, которую они затратили на создание этой ловушки и которая требуется, чтобы не пропустить сюда ветер, они могли бы придумать и что-нибудь получше.

– Откуда у них такая энергетика?

Сухмет подумал, вытер невольно выступившие от дыма слезы и ответил:

– Иногда в руки не очень умелого колдуна попадает магический инструмент огромной силы. И тогда начинается такое, что не привидится и самому изобретательному идиоту.

Сухмет развел руками. Лотар посмотрел в низкое небо, куда дым костра уносился, как песок сыпается в пропасть.

– Хорошая идея. Принеси воды, пить хочется.

Сухмет бросился к сумке. Когда он поднес к губам Лотара горлышко, в тонких медных стенках дружелюбно и звонко плеснулась вода. Лотар взял флягу сам. Рука его подрагивала, но он знал, что уже завтра и думать забудет об отравлении. Его тело, которое могло трансмутировать в дракона, уже восстанавливало свою жизненную силу.

Вода остудила жар. Лотар вытер губы и с сожалением вогнал в горлышко пробку.

– Как ты думаешь, имеет смысл трансмутировать в паука и драться по их правилам?

– Ни в коем случае, господин мой. – Сухмет взял флягу и отставил в сторону. – Чтобы выбрать подходящий вид паука и научиться драться наиболее эффективным методом, нужно немало экспериментировать. Если бы ты так поступил, я не дал бы за твою жизнь...

Лотар улыбнулся:

– Правильно. В новом теле – другая пластика, и мозг довольно трудно привыкает к этому.

Сухмет выпрямился, опустил руки и очень смиренно произнес:

– Мой господин, я должен признать, что ты действовал наилучшим образом, а вот мои советы привели бы тебя к гибели.

Лотар слабо махнул рукой:

– Все обошлось, Сухмет.

– Нет, господин мой, я должен...

– Нет! – рявкнул Лотар как мог. – Не заставляй меня тратить силы впустую.

Старик поклонился:

– Слушаю, мой господин.

– И вообще, мне не хочется, чтобы ты так меня называл. Я никакой не господин тебе, ты получил свободу в тот день, когда мы встретились.

Лицо Сухмета стало несчастным, в его узких глазах появилась печаль.

– А как я должен называть тебя, господин?

– Хотя бы по имени. А если наберешься смелости, называй как остальные – Желтоголовым.

– Господин, не наказывай меня так, я не могу и не хочу... Даже приказа твоего я не послушаю.

Сухмет быстро отошел в сторону, подобрал секиру и сделал вид, что на свете не существует ничего важнее дров.

Да, он присмирел, и, может статься, надолго, подумал Лотар. А жалко.

– Что ты делаешь?

– Рублю дрова. Скоро я буду готовить ужин, господин, дров потребуется много.

– Еще вчера ты умел приготовить ужин на двух лучинах и пучке травы.

Он промолчал. Нет, так не годится, нужно зайти с другой стороны.

– Как ты думаешь, та птица, которая погибла в паутине...

– Она очень быстро погибла от яда. А потом кто-то ее утащил, чтобы она не обозначала сеть другим птицам. Кроме того, кто-то тут очень голоден.

– А мне показалось, ее мгновенно удушили.

– Этот яд действует, помимо прочего, на дыхательные центры. И расстояние было слишком велико, немудрено ошибиться.

Так, уже лучше. Оставался один шаг, чтобы он начал излагать свои соображения без понуканий.

– А я ждал, что со мной попробуют то же. Ведь птица и человек довольно схожи.

Сухмет усмехнулся, поднял голову:

– Дело в том, что ты – не человек... Да, знаю, ты раскрыт, не думаешь об осторожности, самоуверен и очень, чрезмерно любопытен. Вначале даже я совершенно серьезно думал, что такова твоя индивидуальность, пока не убедился, что ты иногда, очень редко, но все-таки переигрываешь. И стало ясно, что, может быть, ты – Черный Дракон, который трансмутировал в человека, а это совсем не то же, что человек, вернувшийся после неудачного колдовства в человеческое естество. – Сухмет блеснул глазами. – Как бы там ни было, я утверждаю: ты, так сказать, оборотень в квадрате, трансмутант второй степени, который прикрыл всесилие дракона видимостью неискушенного юнца.

Лотар никогда не думал о себе в таком ракурсе. Это было нечто совершенно новое.

– Трансмутация в человека... Ничего себе!

Сухмет сдержанно рассмеялся:

– Пожалуй, об этом не имело смысла говорить, ведь по рождению ты – человек, как и я. Но с теоретической точки зрения во всем твоём существовании, господин, есть какая-то загадка.

– Древние загадки, темные тайны, превосходно замаскированные ловушки...

Оба посмотрели в ту сторону, где ущелье выходило на плато. До него было не больше двухсот шагов. Не слишком ли близко, подумал Лотар. Нет, если Сухмет решил, что этого достаточно, значит, так и есть.

– Да, пожалуй, она неплохо замаскирована. И все-таки, повторяю, можно было придумать что-то более совершенное. В том, что здесь устроено, не видно, знаешь ли, настоящего мастерства.

Лотар внутренне торжествовал. Сухмет становился собой. И это был лучший товарищ и лучший помощник в том ремесле, которое Лотар себе выбрал.

– Ты придумал, как теперь следует поступить?

– Нет, господин. После того, что случилось, я не решаюсь...

– Так ты предпочитаешь, чтобы я сломал шею по собственному рецепту. Ну что же, я попробую. Пока ты готовишь ужин, мне хотелось бы посмотреть на паутину и подумать, что делать дальше. Помоги мне добраться туда.

Сухмет бросил секиру и поспешил к Лотару.

– Я посажу тебя, мой господин, там, где видно все, что происходит на плато. – Он усмехнулся, легко поднимая Лотара на руки. – И где это зрелище напоминает сад камней, который выявляет лучшие качества воина.

Глава 4

Лотар и Сухмет стояли перед плато и осматривались. Сеть над их головами не безжизненно перечеркивала небо, а перекатывалась, как трава на ветру, иногда бессильно провисая, словно сырая шкура на барабане, а иногда вздымаясь куполом над этим каменистым полем.

Лотар не спускал глаз с прядей беззвучных, смертоносных нитей. Они то поднимались, увлекаемые сетью, то опускались чуть не до половины своей длины и тогда мели поверхность камней, словно большие, отвратительные швабры, которые моряки делают из старых канатов. Лотар уже заметил места, которых следовало избегать, потому что там эти пучки были особенно густыми, но определил и просветы, где можно было проскочить, если Сухмет станет предупреждать о движениях сети над головой.

– Никогда ничего подобного не видел. И как это, по-твоему, работает?

Сухмет притворялся: сообразить, что сеть наверху служит лишь каркасом для свисающих пучков, не составляло труда. Лотара поразила идея использовать ветер, который, то поднимая, то опуская сеть, обеспечивал неожиданную и совершенно непредсказуемую атаку всего, что оказывалось на дороге. Это делало ловушку совершенно непроходимой. Оставалось только удивляться, что некоторым купцам удалось преодолеть смертоносный барьер. Если бы Лотар не видел трупы и разбитые повозки с этой стороны, он бы не поверил, что такое вообще возможно.

– Хорошо работает, – ответил Лотар. – Просто и надежно.

Сухмет понял, что его тон не принят, и усмехнулся:

– А что еще ты увидел, пока сидел здесь всю ночь и половину утра?

Лотар посмотрел на вершушки гор, нависших над ущельем.

– Я и не думал сидеть здесь столько времени без дела. Я спал. Здесь, как оказалось, хорошо спится.

– Ну да, – буркнул Сухмет, – смертельное отравление неизвестным ядом как средство от бессонницы. Нужно будет записать, уж очень оригинальный способ.

– А я подумал, это ты начинил меня таким варевом, что меня можно было резать на куски, я бы даже не проснулся. – Сухмет сдержанно поклонился, но Лотар уже думал о деле. – В общем, я, конечно, не только спал. Я еще увидел, как умирают птицы. Оказывается, по верхней сети бегают три паука, причем каждый величиной с теленка, но гораздо опасней. Только вот как они могут удержаться на этой сеточке?..

– Возможно, – чуть слышно произнес Сухмет, – эта сеточка выдержит не только теленка, но и взрослого быка.

– Откуда ты знаешь?

– Мне кажется, я читал об этом в какой-то книге, где переписчики не поленились рассказать о таких методах колдовства, которые в конце концов признали неудачными.

– А там не говорилось о методе борьбы с таким вот кружевом?

– Нет, господин. Но я думаю, ты придумаешь что-нибудь.

– А что обнаружил ты?

– Мне тоже показалось, что за верхнюю сеть отвечают три не очень крупных паука, выращенных из породы лесных охотников за мошками.

– Выращенных?

– Если у устроителя этих чудес действительно есть мощный источник энергии, то ему вырастить из обычного паучишки кровожадную тварь ничего не стоит. Нужно только время, как ни странно, довольно много времени.

Лотар осмотрел ближайшие скалы, не скрытые туманом.

– К тому же мне показалось, здесь есть что-то еще. Гораздо более грозное и опасное. Но вот что именно, я не понял. Это место настолько полно крови и еще не остывшей боли, что разобраться совершенно невозможно.

Сухмет очень серьезно кивнул.

– Мне тоже показалось, что главное – не в этих верхолазах. Они лишь служат чему-то... Мне, в отличие от тебя, определить его мешает не масса происшедших здесь убийств, а перенасыщенность энергией, чуждой тонкой магии, к которой я привык.

Лотар вздохнул:

– Значит, будем осторожны. И действовать придется так, как чистят капусту – снимают один испорченный лист за другим и смотрят, что получается.

Сухмет согласно кивнул:

– С чего начнем?

– С твоего конька – пиротехники. Я буду действовать, а ты поможешь мне не влипнуть в очередной пучок этой прелести. – Лотар усмехнулся. – Весь план построен на том, что ты вчера нарубил множество превосходных дров.

Через пару часов все было готово. Три большие груды облитых маслом дров были аккуратно уложены на широких бычьих шкурах, расстеленных на приличном расстоянии друг от друга на самом краю опасной зоны. Шкуры и масло нашлись среди товаров, которыми погнушались грабители повозок. Еще одну шкуру Лотар накинул на себя, защитившись от прикосновения отравленной паутины.

Сухмет встал на небольшой валун у средней шкуры и сказал:

– Значит, так. Если я поднял руку, сеть висит высоко. Если опустил – она пытается накрыть тебя, и самое лучшее – побыстрее удирать.

– Ты лучше не руками размахивай, а кричи.

– Я буду, конечно, кричать, но и знак не помешает. И постарайся не разрушить тот каркас, который я выложил на шкурах, господин мой.

Лотар не ответил. Он проверил, насколько надежно держится шкура на его голове, подошел к среднему сооружению, подхватил покрепче один его край и оглянулся. Тащить нужно было шагов сто. Кажется, что немного, подумал Лотар, но на самом деле...

Он поволок все это по неровной, цепкой, усеянной острыми камнями земле. Лужицы янтарного масла, которые натекали со странного деревянного сооружения, сделанного Сухметом, плескались в коричневой, твердой после чересчур грубой выделки шкуре. Если бы Лотар сосредоточился, он увидел бы в них и серое небо, и сеть, и даже, при желании, себя, похожего на шутовское чудовище, кому на деревенских праздниках юноши дают яростный бой, а девицы на выданье вплетают ленты и расчесывают гриву.

Миновав половину пути, он услышал предостерегающий крик Сухмета. Лотар быстро поднял голову. Рука старика была еще высоко в воздухе. Лотар попробовал посмотреть, что творилось над ним, но это было непросто, шкура на его плечах перекрывала все, как крыша.

– Она опускается! – тревожно закричал старик.

Лотар неторопливо опустил на колени и лег, стараясь принять позу поудобнее. На всякий случай правую руку он положил на эфес Гвинеда. Неожиданно в его сознание вплыл звон колокольчиков, и теперь стоило известного труда отвлечься от него.

Лежать пришлось долго. Несколько раз Лотар слышал мягкое, едва слышное шуршание с той, внешней, стороны и знал, что это паутина. Если она запутается в шерсти, ветер дернет ее вверх, она натянется, и те три существа, которых Лотар видел ночью, вообразят, что здесь появилась добыча, и объявятся тут, чтобы разузнать все получше... Нет, подумал Лотар, драться пока не придется, иначе он уже слышал бы вопли Сухмета.

Бледные тончайшие ниточки, усеянные каплями ядовитой жидкости, свисали перед его лицом. Казалось, если бы он вытянул шею, они задели бы его за нос или за щеку. Но он

знал, что это обман его перенапряженного магического зрения, что тянуться до этих нитей ему пришлось бы на всю длину руки – таким большим и надежным был кожаный колпак, сделанный Сухметом.

Яд был едким. Плащ, который вчера не позволил этим нитям изжалить его спину, шею и ноги, пришлось выбросить, потому что в толстой и прочной дорожной ткани образовались огромные, с кулак, дыры. Без сомнения, он проест такие же дыры и в этой шкуре, только не сразу. А это – самое главное.

Сухмет закричал, Лотар посмотрел в его сторону. Старик держал руку вверх, нитей видно не было. Лотар поднялся, взял край шкуры и снова потащил ее по камням. Все-таки очень странно здесь проходят звуки. До Сухмета не больше пяти десятков шагов, а половину слов, которые он говорит, уже не разобрать. Но если здесь кто-то пытался сделать первоклассную ловушку, это понятно. Ведь предупреждением чаще всего служат именно звуки, значит, их нужно подавить точно так же, как зрение подавляется туманом.

Сухмет опять что-то закричал и высоко поднял обе скрещенные руки. Лотар осмотрелся: он был на месте. Над ним находилась одна из самых густых гроздей отравленных нитей, и нужно было поскорее отсюда удирать. Он повернулся и потрусил назад, все было в порядке.

Едва он оказался рядом со второй грудой, сеть опустилась. Пришлось пережидать. Пока он стоял, прислонившись к каменной стене, круто уходящей вверх, к нему подошел Сухмет.

– Повернись, господин мой.

Лотар послушно повернулся к нему спиной.

– Выдержит еще немного, но не очень долго. Эта ядовитая слюна, наверное, способна переварить даже железо. Неудивительно, что на этом плато остались только камни. А мы-то думали, что здесь кто-то все расчистил.

– Тогда давай поторопимся.

Торопливость его и подвела. Когда Лотар потащил вторую шкуру, она рассыпалась от чересчур резких толчков. Расстроенный Лотар бросил край шкуры и присел перед грудой чурочек и прутиков, до этого увязанных в каркас, похожий на гнездо невиданной птицы.

– Брось, не теряй времени! – проорал Сухмет.

Лотар кивнул, подхватил край шкуры и потащил ее дальше. Сухмет еще что-то кричал, но теперь Лотар не понимал его и пропустил момент, когда нити опустились на плато. Он лег, свернувшись калачиком, и лишь после этого понял, что все-таки попался – левая нога горела сухим, поднимающимся к бедру жаром.

Остатки второго кострища он все-таки дотащил до назначенного места, но к Сухмету прибежал уже прихрамывая. Тот переполошился, когда понял, что произошло. Он закатал штанину и наложил очень плотную повязку с какой-то изумрудной мазью. Но и после этого лучше не стало. Наоборот, Лотар понял, что у него начинается лихорадка, странно меняющая цветовое восприятие всех предметов вокруг.

Сухмет едва отпустил его тащить третий, последний костер. И уже в середине пути Лотар вдруг понял, что старик мягко, но решительно оттесняет его погружающееся в ступор сознание и начинает командовать его телом. Раньше Лотар даже не подозревал, что такое возможно.

Лотар тащил, как ему казалось, нестерпимо блестящую грудку деревяшек по широкой серой поверхности, ложился, заворачивался в чернильную мглу своей спасительной шкуры, вставал, снова тащил, делал какие-то другие малопонятные движения, шел назад... Каждое движение совершал кто-то другой, а он лишь из другого мира, где все было в диковинку, смотрел и оставался безучастным. Лишь в глубине его сознания горел тревожный сигнал – ты в опасности, любое нападение на тебя будет смертельным, берегись...

Пошатываясь, едва переставляя ноги, Лотар дошел до Сухмета и остановился. Старик смахнул пот с лица – такого напряжения требовал контроль над теряющим сознание воином – и быстро, так, что только лезвие засверкало, стал срезать завязки, которыми он закрепил на Лотаре шкуру. Потом осторожным движением поднял ее над головой, уперевшись в нее недлинной палкой с широкой перекладиной.

Лотар, неловко переставляя ноги, вышел вперед. Когда Сухмет убедился, что ему ничто не угрожает, он мягко уложил шкуру вниз. На ее покрытой грубой, клочковатой шерстью поверхности теперь во все стороны расходились причудливые полосы, обнажившие размякающую на глазах, розовеющую мездру. В двух местах крепкая, способная устоять перед ударом не очень острого копья кожа уже разошлась, как будто кто-то ряску на воде разогнал. В дырах виднелась каменная поверхность.

Сухмет быстро повернул Лотара спиной к себе и внимательно осмотрел его. Кроме первого удара в ногу, других касаний не было. Сухмет облегченно вздохнул.

Внезапно Лотар провел рукой по лицу, приходя в себя. Сухмет поймал его взгляд. Это был еще дрожащий, неуверенный, но несомненно уже не затканный одурью взгляд.

– Кажется, вчера я легче перенес это отравление.

– Эта гадость накапливается в тебе, господин мой.

– Просто удивительно, что несколько капель... – Голос Лотара прервался. Он присел на камень и со слабым вздохом вытянул ноги.

– Да, действует она потрясающе. Погоди, сейчас я принесу противоядие, оно поможет тебе скорее прийти в себя.

Пока Сухмет неся за заранее приготовленными снадобьями, Лотар устроился на том месте, где провел ночь, удобно уложил под себя дорожные плащи. Ему очень нравился вид на плато, который открывался из этой точки.

Сухмет принес серебряную чашу, наполненную бледно-синей жидкостью, от резкого запаха которой Лотара передернуло. Он посмотрел на Сухмета. Старик хмыкнул:

– Люди всю жизнь одинаковы, даже ты, мой господин. Пей, будешь здоров.

– Да я, кажется, уже...

– Мы не знаем, что нас ждет. Лучше, если ты с Гвинедом в руках сможешь встретить любую опасность.

Лотар отключил свое вкусовое восприятие и выпил жидкость несколькими глотками. Почти сразу же его начало трясти. От боли, разлившейся по всему телу, он даже не мог закутаться в плащи. Старик помог ему.

– Это что-то новенькое. Вчера такого не было.

– Я придумал это только ночью, – с отчетливой гордостью сказал Сухмет.

Лотар хотел было ответить, что лучше бы не придумывал, но сдержался. Впрочем, Сухмет еще сохранил некоторую власть над его телом и понял мгновенно.

– Я поставил на огонь воду. Скоро мы промоем тебя отварами трав, и ты будешь как новенький.

– Как ты думаешь, все готово?

Сухмет кивнул:

– Сиди и смотри, мой господин. Ты свое дело сделал.

Но Сухмет для начала повел себя совсем не так, как ожидал Лотар. Он вытащил откуда-то большой жестяной противень, в котором пенилась неприятная на вид сырая масса. Лотар всмотрелся и не без удивления понял, что это остатки его плаща, которые старик на ночь поставил на противне таким образом, чтобы нити оставляли на ткани как можно больше яда. Сделано это было ловко, ткань уже совершенно разложилась, и с края неровной жестянки собралось несколько ложек отвратительной жидкости.

Сухмет вытащил откуда-то каменный флакончик с толстыми стенками, открыл хитрую пробку и по капле сцедил в него жидкость с противня. Потом спрятал флакончик с паучьей слюной в карман своей сумки, выпрямился и улыбнулся Лотару.

– А теперь приступим к главному.

Он подошел к краю плато и сделал несколько мягких танцевальных движений. Лотар без труда увидел, что рассеянная вокруг них, почти неощутимая энергия странным образом собралась в ладонях старика, и когда он резко, словно камни, выбросил ее вперед, она появилась беззвучными, невидимыми, рассеивающимися шарами в стороны трех заготовленных кострищ.

Теперь Лотар понял, почему Сухмет так старательно выкладывал свои деревяшки в замысловатые сооружения – они притягивали эти шары, и не было нужды слишком уж прицеливаться. И все-таки сначала загорелись не они, а пятна масла, которые остались на камнях, отмечая ту дорогу, которой шел Лотар. Потом огонь дымной струйкой потянулся вверх на средней шкуре. В этом сумеречном, сером, отравленном ядом и магией мире даже это бессильное пламя казалось веселым и радостным, как детский смех на празднике.

С двумя другими шарами было хуже. Правый шел к развалившемуся по дороге каркасу так медленно, что когда упал на дерево, то заставил его лишь тлеть. А левый вообще погас на полпути, и теперь нужно было начинать все сначала.

Тем временем ветер изменился, сеть над их головами опустилась, нити коснулись камня. Некоторые из них залипли на масле, другие, плавно скользя, привычно подмели чистую, вытертую едва ли не до блеска поверхность.

Огонь среднего костра был таким маленьким и слабым, что Лотару пришлось напрягать зрение, чтобы увидеть гребешки пламени на лужицах масла и деревяшках. Но он все же не затухал, а пожалуй что разгорался.

Лотар затаил дыхание. Сработает или нет?

И внезапно щелкающий, угрожающий треск донесся от костра. Несколько нитей, которых коснулось пламя, лопнули, как шутихи, заряженные вендийским огнем. Гребешки пламени, рассыпая голубые искры, поднялись вверх по нижней части нитей, которая, как подозревал Лотар, была особенно обильно смочена ядом.

Потом этот неожиданный огонь пригас... Но нет, вот он коснулся довольно густого переплетения паутины на высоте в несколько туазов, и вся эта ядовитая медуза вспыхнула. Сухмет от возбуждения хлопнул в ладоши.

Переливающееся голубым сверканием пламя расцвело прямо в воздухе, коснулось большой паутины, висевшей над плато, и тогда цвет его изменился. Оно неожиданно стало ослепительно оранжевым.

Паутина загорелась со странным гудением, словно в воздухе вились несметные рои шмелей. Куски горящих нитей падали на камень, и только теперь Лотар стал понимать, как плотно, во много слоев, была сплетена эта ловушка.

Внезапно из-за камня появились три паука, которых Лотар мельком видел ночью. Теперь он понимал, что когда-то они были обычными паучками, возможно, крестовиками, каких много в каждом лесу или на поле с высокой травой. Тогда их яд был опасен только для насекомых, которым не хватало сил разорвать его паутину. Но теперь это были тяжелые, под сотню фунтов, существа, с ногами, раскинутыми на несколько туазов, с мощными жвалами и сильными движениями.

Лотар смотрел на них как зачарованный. Внезапно он понял, что Сухмет стоит над ним и тянет за плечо, пытаясь куда-то отвести.

– Уходим! – орал старик. – Паутина падает...

Действительно, горящие куски паутины, которая в желто-оранжевом пламени казалась жесткой, как проволока, стали падать на них. Лотар поднялся, он был еще очень слаб, но двигался уже без ошибок.

Когда Сухмет понял, что Лотар может бежать сам, он отпустил его. Они спрятались за камнями в глубине ущелья. Это существенно уменьшило обзор. Лотар повернулся к плато и увидел лишь небольшой кусочек поверхности и серого неба, затянутого желто-голубыми сполохами и удушливым дымом, которого, как ни странно, Лотар не чувствовал, пока сидел ближе к пламени.

– Почему паутина так горит? Ведь там горючего вещества – в одной миске поместится...

Сухмет отрицательно покачал головой:

– Горит не паутина, господин, а жидкость, которой она была покрыта. Или даже не сама жидкость, а ее пары, и мы не знаем, сколько она может...

Лотар прервал его:

– А что будет с этими пауками? Ты их видел?

Сухмет кивнул, но ничего сказать не успел. Они получили ответ и без догадок.

Между скалами, обозначающими выход на плато, показался один из чудовищных пауков. Он горел, рассыпая голубые искры. Похоже, он был еще жив, хотя из него бил настоящий фонтан огня. Он еще пытался удержаться на паутине, но та тоже загорелась под ним, оборвалась, и он стал падать, широко, веером, разбрасывая огненный шлейф. Напор горючего веера был так силен, что паук крутанулся в воздухе, как лопнувший пузырь, которые делают из бычьих желудков.

Когда паук с сухим треском упал на камни, он был, без сомнения, уже мертв. Но горел он еще довольно долго, испуская желтый дым.

Как только паутина перестала падать у ущелья, Лотар вышел на площадку. Плато было очищено самым надежным способом – пламенем. Лотар нашел взглядом дымящиеся, догорающие останки пауков. Все три. Значит, эта проблема решена.

Лотар посмотрел в дальний конец плато. Паутина там догорала, пробиваясь сквозь клубы тумана неясным заревом. И вдруг Сухмет, стоя рядом, с силой сжал Лотару плечо.

На плато, из тумана и дыма, осторожно переставляя паучьи ноги, выползло что-то настолько огромное, что Лотар даже не поверил своим глазам. Это было темное, почти черное существо, которое даже Лотар и Сухмет не могли по-настоящему ощутить раньше – настолько оно было неправдоподобно.

Это был паук величиной с дом, шагающий на ногах, каждая из которых была толще, чем нога Лотара, с почти сплошным круговым ожерельем белесых, неподвижных, слабо мерцающих глаз и жвалами, в которых даже теленок не показался бы крупной добычей. Его округлый хвост, на котором гибкие волоски длиной в пол-локтя составляли чудовищную поросль, скрипел по камням, как неподъемно тяжелый груз. А раздвоенные, как клешни, окончания ног этого паука царапали камень, оставляя на нем глубокие следы.

Ничего подобного Лотар не мог даже вообразить. Сухмет отдернул его назад.

– Господин, это... – Казалось, что старик, обычно смелый до безрассудства, на этот раз все-таки готов бежать, как будто увидел перед собой дьявола. – Господин мой, это Чунду.

Они спрятались между камнями, чтобы мерзкое чудовище не заметило их. Сухмет, казалось, совсем потерял голову, потому что повторял только одно это слово, в котором слились отчаяние и ужас:

– Чунду, Чунду... Это Чунду.

Лотар внимательно смотрел на гигантского паука, который, не заметив их, прошел между последними сполохами пламени, повернулся и скрылся за туманом, закрывающим, вероятно, его убежище.

– Что ты знаешь о нем? – спросил Лотар.

Сухмет покачал головой:

– Его выращивают с помощью магии, которой не владеют смертные маги, из какого-нибудь крупного паука, например птицееда. И еще, по поверьям, убить его невозможно.

Лотар посмотрел в туман и вздохнул:

– Жалко, что его не взял огонь.

– У него яд другого состава, – быстро прошептал Сухмет. – Ты не понимаешь, господин, это же Чунду. Огонь не способен повредить ему. Ничто, чем владеют люди, не причинит ему вреда.

Лотар опять вздохнул:

– Знаешь, не стоит полагаться на поверья. Как правило, их придумывают не те люди, которые умеют справляться с трудностями.

Глава 5

Лотар лениво жевал сушеное мясо, приправленное какой-то травой и чесноком. Рядом на камне ароматный пар поднимался над кружкой с отваром из настоящего восточного чая. Кусок лепешки, на которой остался отчетливый, как у ребенка, след зубов Лотара, скатился с камня вниз, и он, судя по всему, не собирался его поднимать. Сухмет бросал внимательные взгляды на Драконьего Оборотня, даже более внимательные, чем в конец ущелья, выводившего на каменное плато Чунду. Но это не мешало ему жевать так, что только хруст стоял.

Лотар вытер губы и, отложив недоеденный кусок, взялся за чай.

– У моего господина плохое настроение, нет аппетита, сказывается отравление?

– Скажи, старик, что ты знаешь о Чунду. Только сделай милость, обойдись без этих баек о его непобедимости.

Сухмет быстро спрятал лицо за куском мяса, которого хватило бы волку средних размеров.

– Я достоверно знаю, что его можно вырастить из паука, если располагать каким-то источником мощной энергии. Только я имею в виду действительно мощный источник, побрякушки вроде тех, которыми пользуемся мы, бесполезны.

Лотар немного подумал:

– А трон Гханаши подойдет?

– Я плохо понимаю, о чем идет речь, меня там, как известно, не было. Но, кажется, это была неплохая копия кресел двенадцати паладинов Харисмуса, а это едва ли не самые сильные из инструментов белой магии. – Сухмет подождал, потом осознал, что Лотар не понимает, и коротко завершил: – Да, трон подошел бы.

– Но если бы здесь появился такой инструмент, об этом стало бы известно любой гадалке на местном рынке, – полувопросительно сказал Лотар.

– Вовсе нет. Можно было действовать с большого расстояния и его применение замаскировать. А такой вот сниженной, нейтральной магии везде много.

Лотар кивнул:

– Так, значит, этот путь расследования не годится. – Он отхлебнул из кружки несколько раз, прежде чем задал следующий вопрос: – Сколько времени нужно, чтобы вырастить Чунду по всем правилам?

– Если энергия имеется в избытке, а судя по пелене над нашей головой, ее здесь не экономят, я бы уложился лет за сто. Если делом занялся бы мастер, тогда можно вести речь о годах эдак... шестидесяти.

– А быстрее?

– Нет, господин мой, не получится.

Сухмет снова принялся жевать. Лотар посмотрел в огонь, непроизвольно поиграл формой зрачка, делая его то очень маленьким, то вертикальным, как у тигра, то огромным и слепым, словно у ночной птицы.

– А за сколько времени можно сделать упрощенный вариант Чунду?

– Что значит упрощенный? Тогда это не будет Чунду.

– Пусть не Чунду, пусть только нечто огромное и голодное, но уже не такое непобедимое и защищенное от всего на свете.

Сухмет решительно вытер рот рукавом.

– Я бы на это, господин, не рассчитывал. Это же верный путь к самоубийству...

– Так сколько времени тебе потребовалось бы?

– Ну... Не знаю, чем можно пожертвовать, но если... Лет десять.

– Так. – Лотар заметно обрадовался. – Значит, считанные годы. Это то, что нам нужно.

Сухмет выразительно вздохнул. Лотар приник к своей кружке и выпил почти половину.

– Ты знаешь, как его можно убить?

– Кого, Чунду?

– Да нет, этого упрощенного гиганта.

– Вообще-то я не очень разбираюсь в анатомии редуцированных мутационных магиматов, но... Если считать, что за столь незначительное время ничего существенно изменить в нем нельзя, я бы посоветовал тебе пробить хитиновый покров сверху и воткнуть три-четыре длинных металлических штыря в хвост у перевязки. Там как раз находится его многокамерное сердце. Достаточно пару раз его проткнуть, и он долго не протянет.

– Что ты подразумеваешь под штырями? Меч подойдет?

– Воткнуть меч, а потом его вынуть и использовать еще не один раз – бесполезно. Магимат обычно перенасыщен механизмами выживания. В том числе и в отдельных органах. Если ты просто пробьешь ему сердце, к концу драки рана вполне может затянуться, и тогда, кроме небольшого кровоизлияния, ты ничего не достигнешь, и для тебя это может оказаться фатальным.

– Что такое магимат?

– Так волшебники мутагенных трансформаций называют магический материал, сокращенно – магимат.

– Значит, я тоже магимат?

Сухмет похрустел мясом, потом все-таки ответил:

– С точки зрения Гханаши – да.

Лотар долго думал, прежде чем задал следующий вопрос:

– Значит, эти штыри нужно оставить в ране?

– Да.

– Но у нас только Гвинед и Утгела. К тому же я не могу оставить Гвинед в теле этого твоего Чунду. Вдруг он не сдохнет. Как мне тогда вернуть свой меч?

Сухмет долго молча смотрел в огонь, так долго, что забыл даже оглядываться на плато.

– Господин мой, тебе нужно выяснить, что перекрыло перевал. Ты выяснил и даже пусть случайно, но эффективно очистил его от угрозы. – Частично очистил... К тому же мне показалось, мы оба принимали в этом участие, – пробормотал Лотар.

– Хорошо, пусть так, не это главное. Важно, что теперь ты столкнулся с тем, что может оказаться тебе не по силам. Почему бы тебе раз в жизни для разнообразия не действовать разумно?

– То есть?

– Спустись в долину, возьми солдат, вернись и дай этому чудовищу правильное сражение.

– Ответ довольно прост. – Лотар с наслаждением допил чай и отставил кружку. – Через пару дней Чунду проголодается. Тогда возвращаться сюда уже не потребуется, за ним придется гоняться по всей долине. Второе: контракт, конечно, можно трактовать как разведывательный поход, но это касается князя, а не Покуста, которого я рассматриваю как своего настоящего клиента. А он как раз хотел, чтобы мы...

– Но ведь деньги ты брал у князя.

– Если их интересы не совпадут, придется отдать князю его кошелек.

Сухмет едва слышно пробормотал:

– Будем рассчитывать, что князь об этом никогда не догадается. В этих краях войны начинались и после меньшего оскорбления.

– Покусту нужен открытый перевал, и ничто другое его не устроит. И третье: все эти путешествия туда-сюда, возможно, позволят удрать зачинщику беспорядков. Не знаю, кто

он, но мне хотелось бы наказать именно его. Хотя бы потому, чтобы не приезжать сюда снова через пару лет, рискуя драться уже с новым, усиленным вариантом Чунду.

– За пару лет нового Чунду не вырастишь.

– Ну тогда это будет не Чунду, а что-нибудь еще.

Сухмет подкинул дров в огонь. Потом поднялся, налил в кружку Лотара еще чаю и вернулся на свое место.

– Тогда обещай мне, господин, одну вещь. Обещай, когда все кончится, дать мне тот магический инструмент, который, возможно, все-таки попадет в наши руки.

Лотар искренне удивился:

– Конечно, он достанется тебе. Я же не смогу с ним обращаться. А о том, чтобы отдать его князю, не было и речи.

Сухмет улыбнулся:

– Ну, тогда, господин мой, я могу тебе показать место, где лежат эти самые штыри, о которых я говорил.

Лотар с интересом посмотрел на старика. А Сухмет тем временем сдвинул ногой большую кучу заготовленных дров и вытащил три огромных, в три фута длиной, квадратных гвоздя. Их хорошо прокованные острия способны были проткнуть даже броню Чунду. А большие, в пол-ладони, шляпки с другой стороны обеспечивали удачный захват для удара.

– Что это?

– Плотогоны иногда пользуются такими гвоздями, чтобы их драгоценные бревна не рассыпались на порогах. – Сухмет был доволен произведенным эффектом. – Наверное, кто-то из торговцев вез их обратно, чтобы использовать еще много раз, гоняя плоты в Мульфаджу. Но вот... не довез.

Лотар взял один из тяжелых, как лом, штырей и внимательно осмотрел.

– Это подойдет, господин. Я уже смотрел, они неплохо прокованы и достанут до его сердца, если вколотить их не сбоку, а посередине. Они даже не ржавые. Оставалось лишь слегка протереть их маслом, чтобы они легче входили в хитин.

– А вот у шляпки ты смазал зря, – сказал Лотар, прикидывая гвоздь в руке, как оружие. – Скользит.

– Я там не смазывал, – отозвался старик, – натекло, наверное. Ну, да это дело поправимое. Ототру песком и покрою мелом, ты масла даже не заметишь.

Лотар отложил гвозди:

– Да, это подойдет. Кстати, нужно снова отполировать Гвинед, а то я за ним давно не ухаживал.

Сухмет кивнул.

Лотар продолжил:

– Но есть еще одно. Как ты думаешь, Чунду будет спокойно стоять и смотреть, как я ему взбираюсь на спину, чтобы понатыкать этих булавок, или попытается что-то предпринять?

Сухмет хмыкнул.

– Вот и я так думаю, – ответил Лотар. – Нужно отвлечь его внимание хотя бы на несколько секунд. Кстати, он может достать меня, когда я окажусь на нем?

– Насколько я знаю пауков, головогрудь и переднюю треть спины он контролирует малыми лапами. Сзади, там, где его тело опускается вниз, ты не удержишься, потому что хвостом он может крутить довольно ловко.

– Мне нужно не только удержаться, но и ударить, – сказал Лотар.

– Поэтому тебе остается одно – держаться на самой верхушке спины. Наудачу, сердце там должно быть близко и можно надеяться, что длины наших штырей хватит.

– А если не хватит, где лучше наносить следующие удары – к хвосту или к голове?

– К голове.

Лотар кивнул:

– Теперь подумаем, чем же мы все-таки отвлечем его?

Сухмет покрутил головой по сторонам и задумчиво сказал:

– На одной из повозок я видел селитру. Грабители не поняли, что это такое, и оставили несколько кожаных мешков. Она не должна была намокнуть.

– Что это значит?

– Это значит, что мы сделаем небольшую бомбу, подтащим ее к изголодавшемуся Чунду, и когда он набросится на нее...

– Неплохо. Только как бомбу доставить к нему?

– Я бы мог завернуться в шкуры, вон их еще сколько осталось, и когда он их схватит, я выскользну и убегу.

– Это я и сам сумею. Только мне не нравится.

– Ты должен экономить силы перед дракой, так что пойду я.

– Нет, не пойдет никто, – решил Лотар. – Нужно придумать что-нибудь еще.

Сухмет стал заваривать новую порцию чая, а когда кончил, то предложил:

– Можно быстро, за ночь, сгонять в долину, купить коня, нагрузить на него бомбу, и тогда Чунду обязательно попадется.

Лотар поднял на старика изумленные глаза:

– Ты предлагаешь убить невинную лошадь?

– Но лишиться лошади все-таки лучше, чем...

– Нет.

После такого «нет» Сухмет долго еще не решился бы ничего предложить, если бы не боялся, что Лотар в одиночку пойдет на Чунду. Поэтому прошло не больше минуты, как он снова заговорил, и лицо Лотара просветлело. Наконец Драконий Оборотень ответил:

– Ну вот, и не надо собирать целую армию, достаточно лишь подумать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.